

Мария Тригоренко

ПОДАРИ МНЕ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мария Григоренко

Подари мне жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Григоренко М. С.

Подари мне жизнь / М. С. Григоренко — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Разве может майор спецназа, прошедший ад, потерявший на войне своих боевых товарищей, спокойно жить на гражданке? Начать новую жизнь в другом мире, где нет взрывов, выстрелов, смерти, но есть ложь и лицемерие. Или это просто иллюзия? Содержит нецензурную брань.

© Григоренко М. С., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Мария Григоренко

Подари мне жизнь

ПРОЛОГ

2008г, Чечня, Южная Осетия.

До Владикавказа разведка добралась легко и на следующий день выдвинулась через перевал в Цхинвал. Командир подразделения, дал приказ найти лагерь боевиков, в котором они разместили лабораторию, и изготавливали в ней синтетический препарат о свойствах, которого пока не было известно нашим спецам. Разведка доложила, что отряд встретил группу террористов, передвигающуюся с невероятной скоростью, при том, что они были с тяжелой экипировкой и без лошадей, а это значило, что препарат увеличивал физическую силу и выносливость человека.

«Обычных «срочников» на такую операцию отправлять было нельзя, их перестреляют, как куропаток. Контрактники работают топорно, ни следов, ни информации после них не найти. Нужно создать спецотряд подготовленных ребят для такой столь опасной операции» – думал Янпольский, изучая отчет и перебирая личные дела военнослужащих. Полковник отобрал семерых бойцов. Небольшой отряд получился, но зато проверенный и надежный. Возглавлять его будет майор отдельной бригады спецназа Андрей Алексеевич Волков. Матерый вояка, побывал во многих «горячих точках» и всегда ему удавалось выполнить задание на отлично с минимальными потерями. Так же в отряд попали: лейтенант Лопатин Геннадий Семенович, подрывник, экстра класса, капитан Крымов Николай Александрович, лейтенанты Конягин Сергей Викторович, лучшие снайпера во всей воинской части, майор Громов Антон Сергеевич, капитан Пекарев Никита Андреевич, капитан Коловратов Семен Семенович, лучшие стратеги в своих ротах. А самое главное служили, эти орлы, в одном полку, так что были знакомы и притёрты. «Лучшей спецгруппы и представить нельзя было. Все профессионалы, мастера своего дела» – подумал полковник, убирая дела в папку и направляясь на военный совет к генералу Тенегину.

На сборы группе дали три дня. В назначенный день, на вертушке нас переправили к границе с Осетией. Получив карту с координатами базы боевиков, мы выдвинулись к точке Х. Было решено идти через перевал, заручившись в местном ауле поддержкой старейшин, которые дали нам проводника. К месту назначения необходимо было добраться в кратчайшие сроки, пока боевикам не доложили о прибытии группы. От этого зависел успех всей операции.

База оказалась небольшим палаточным городком и располагалась на вершине перевала. Взяв периметр в кольцо, стали наблюдать. Через десять минут мне доложили, что в лагере находится около сорока боевиков. Сунуться туда в лобовую, равносильно охоте на медведя без оружия.

Когда подготовка к штурму была завершена, я ждал только сигнала к атаке. Им послужит взрыв заложенной под УАЗик взрывчатки. Лопатин сообщил по рации, что бомба заложена. Раздалась команда «В атаку!», а в следующее мгновение прогремел взрыв. Началась перестрелка. Боевики носились по лагерю, подставляясь под выстрелы, но уже спустя пару минут вычислили место положение снайперов и нам стало не сладко. Снайперы работали четко и слажено, укладывая боевиков один за другим. Но мы недооценили врага. Нас обложили со всех сторон. Отстреливаясь, группа пробиралась к перевалу, где боевики не смогли бы нас так просто достать из-за узких троп.

Группа рассредоточилась на позициях у самой вершины. Воцарилась тишина. Я не был уверен, что мы зачистили лагерь полностью. И шума погони тоже не было слышно. Подозрительно все это! Закралось ощущение, что нас ждали...

Внезапно на откосе, появилось несколько боевиков. Я оглянулся по сторонам и понял: «группу загнали в ловушку». Раздались очереди сразу с трех сторон. Мы были в крайне невыгодной позиции. Отступать некуда, только в ущелье сигать.

– Твою мать! – процедил я сквозь зубы, прячась за валуном. Боевики все прибывали. Нас накрыло градом пуль. Первыми полегли Конь и Лопата. Коловрат подорвался вместе с группой боевиков, чтобы тем не дать пройти в нашу сторону. Пекарю и Грому перерезали глотки на моих глазах. Засада была грамотно устроена. Шансы выйти отсюда живыми практически сводились к нулю. «Прощайте, братцы!» – мысленно попрощался с погибшими товарищами, готовясь присоединиться к ним.

Когда мы с Крымом уже готовились принять последний бой. С другой стороны лагеря слышались крики и выстрелы. Крым осторожно выглянул за край валуна, служившего нам укрытием. И его задело осколком, разорвавшейся рядом гранаты. Парень упал, захлебываясь собственной кровью. Осколок угодил в шею.

– Наши... – прохрипел он прежде, чем замолчать навсегда. Закрыв глаза парню, решил прорываться к своим. Взвод разведки, оказавшийся в тылу у боевиков по счастливой случайности, гнал боевиков в глубь перевала, где потом благополучно и забросали их гранатами.

Решив присоединиться к своим и помочь добить тварей, положивших мой отряд, хотел было подняться, да не смог. Ног даже не чувствовал. Лежал на пузе, как ужак, беспомощно хлопая руками по земле, чтобы уцепиться за валун и подтянуться. Ко мне сразу рванул медик и приказал лежать смирно. Осмотрев, сказал, что у меня в спине два пулевых, а я даже не почувствовал, когда получил их. Паренек засуетился, вызывая по рации вертолет. На мои заверения, что все нормально и ничего не болит, он только покачал головой и сообщил по рации, что раненому потребуется операция. Вдруг меня стало бить крупной дрожью, уронив, автомат упал лицом в грязь. Медик сделал мне укол, крича что-то про шок и тяжелое состояние. Меня же просто отключило...

ГЛАВА 1

– Давление 120, сердцебиение стабильное. Пуля задела позвоночник, нарушена целостность мышечной ткани. Ходить не будет, – констатировал хирург, скептически осматривая рентгеновский снимок.

– Зажим... Тампон, – произнес его коллега, подняв руки. – Сестра, пот.

Девушка вытерла соленую влагу со лба доктора, и тот снова продолжил работу.

Уже несколько часов врачи пытались извлечь пулю из тела раненого, но как сделать это так, чтобы вред поврежденному позвоночнику был минимальным, хирурги еще не решили...

Спустя час, пуля звякнула о железную чашу, доктора отложили инструменты:

– Сестра, зашивайте. Крепкий малый. Жаль, инвалидом станет, – произнес один из хирургов, отмывая руки.

– Будем надеяться на лучшее, – проговорил второй, уже зная, что у мужчины на операционном столе нет ни одного шанса снова ходить.

– Сестра, после того как закончите, переведите больного в реанимацию и побудьте с ним, пока он не отойдет от наркоза. О состоянии докладывайте главному врачу каждые пятнадцать минут.

– Хорошо, – ответила молоденькая девушка, аккуратно стирая ватным тампоном кровь со спины прооперированного.

Спустя несколько минут санитары переложили мужчину на кровать в палате. Кроме раненого в комнате никого больше не было. Проверив послеоперационные швы, подключив аппарат искусственного

жизнеобеспечения, накрыла простыней. Мужчина сморщился, лежа на кровати. «Уже приходит в себя» – подумала, внимательно наблюдая за состоянием пациента. «Мужчина

взрослый, явно старше. Красивый. Темные волосы, прямой нос, волевой подбородок, губы полные, потрескались правда, от сильного обезвоживания, но это пройдет, когда действие наркоза закончится и больной начнет пить и есть».

Сильно разболелась голова, чувствовала себя неважно. Видимо сказывалось перенапряжение. Глаза слипались. Больше всего на свете я хотела бы сейчас лечь и поспать, хоть пару часиков.

Медсестра, которая должна была меня сменить, задерживалась, а уйти и бросить больного одного в палате я не могла. Погруженная в свои мысли я не заметила, как задремала. Не знаю, сколько прошло времени, с тех пор, но проснулась от того, что кто-то тряс мою руку. Подскочив, сонно хлопала глазами, пытаюсь понять, что происходит.

Больной пришел в себя. Лежа на животе, он протянул руку, чтобы привлечь мое внимание и легонько потянул за рукав халата. Подскочив, я поправила одежду и подошла к кровати больного.

– Как себя чувствуете? – посмотрела в голубые глаза, ожидая ответа.

Мужчина что – то беззвучно прошептал, я не смогла понять, что он хотел и уточнила:

– Что? – наклонилась ближе к больному.

– Воды, – услышала хриплый шепот.

– Нельзя еще, подождите немного, – ответила я, поправляя простыню.

Мужчина заерзал, пытаюсь встать. Я положила руку ему на спину, велев не подниматься:

– Не двигайтесь. Вы после операции. Надо подождать. Врач придет, осмотрит, расскажет, что Вам делать...

Открыв глаза, я не мог понять, что происходит. Стены ходили ходуном, никак не мог сфокусировать зрение. Яркий свет от лампы слепил, вызывая резь в глазах. Пробовал пошевелить рукой или ногой, но ничего не вышло. Языка тоже не чувствовал, но жажду испытывал страшную. Первое, что пришло в голову так это вопрос «Где я?» Спустя несколько мгновений стены встали на место. Приподняв голову, осмотрелся: «Больница. Не уж – то нас отбили?» Голова была тяжелая, словно была налита свинцом. Мысли с трудом приходили на ум. Я лежал на животе, повернув голову в бок.

Последнее, что помнил это бой. Крым был рядом, а потом упал, раненный в шею. Нас окружили. Отряд погиб. Я получил ранение в спину. Дальше я видимо потерял сознание.

«Почему боевики нас ждали? Они были предупреждены о готовящейся спецоперации? Кто-то в штабе сливает информацию об операциях? Видимо, очень невыгодно было, чтобы препараты были обнаружены. «Крот» очень сильно греет на этом руки, раз слил информацию боевикам.

Попробовал снова пошевелиться, ничего не получилось. Во рту все пересохло. Пить хотелось неимоверно. Все телодвижения отзывались адской болью, поэтому спустя мгновение я снова благополучно провалился в бессознательное забытие. Придя в себя, обнаружил, что свет за окном угас. Значит, наступил вечер или даже ночь. В палате горел ночник. «Сколько я провалялся, тут?»

Вновь попробовал пошевелиться и уже не почувствовал такой острой боли. Осмотревшись внимательнее, я понял, что в палате не один. Не далеко от меня, на соседней койке, дремала медсестра. Темные волосы обрамляли миловидное личико. Длинные ресницы подрагивали. Выглядела она уставшей. «Молодая... Студентка, наверное?» – подумал я заерзав. Подтянувшись кое-как на руках и ухватившись за рукав ее халата, попытался разбудить. На это ушли практически все мои силы. Тело не слушалось, ног не чувствовал. Медсестра не реагировала. Собрав последние силы, я потряс ее сильнее. Девушка тут же вскочила на ноги и сонными глазами уставилась на меня, словно не понимая, что происходит. Молния халата расстегнулась чуть больше, чем положено, демонстрируя край ажурного белья. Густо покраснев, она, застегнулась и подошла ко мне.

– Как вы себя чувствуете? – услышал я приятный женский голосок. Я едва мог подняться на руках, чтобы посмотреть ей в лицо, на остальное у меня уже не было сил.

– Воды, – просипел я пересохшим горлом.

– Что? – не расслышав ответа, подошла та ближе.

– Воды, – прошептал я, сухим шершавым голосом.

– Нельзя еще, подождите немного, – ответила она, поправляя простыню.

Я пытался приподняться, чтобы помочь ей, но почувствовал теплую, женскую руку на спине:

– Не двигайтесь. Вы после операции. Надо подождать. Врач придет, осмотрит, расскажет, что Вам делать...

Ирина, медсестра, которая должна была меня сменить, так и не пришла. Мне пришлось остаться и ждать врача. На посту дежурной медсестры я узнала, что привезли еще раненного и врач задержится. Когда Константин Иванович устало зашел в палату, сжимая в руках карту, я поняла по выражению его лица, что ничего хорошего он больному сейчас не скажет.

– Аннушка, ты еще здесь? – Изумился врач.

– Да, Константин Иванович, Ирина Викторовна не смогла сменить. Повязки сменила, шов не кровит, дала воды пол часа назад.

– Умница, дочка, ну беги, отдыхай. Негоже так над собой издеваться. Завтра снова в ночь.

Я, устало улыбнувшись, кивнула, и направилась к двери. Сегодняшний день меня очень вымотал. Мне, конечно, хотелось узнать, что скажет хирург больному, и как тот отнесется к новости. Дойдя до поста медсестры, решила узнать имя пациента. Я весь день провела рядом, а в суете спросить забыла.

Медсестры, как обычно, обсуждали последние новости:

– Как же не повезло. Жалко мужчину. Такие, как Волков, никогда не смиряются с инвалидностью, – заполняя что-то в журнале, произнесла одна.

– Да, будет истязать себя, или сопьется и помрет, – ответила другая, держа в руках кружку с чаем и делая глоток.

– Здравствуйте, – устало улыбнувшись, поздоровалась я, подойдя ближе. Взяв ручку склонилась над книгой, в которой писала первая медсестра. Внесла свои отметки и сняв головной убор, подошла к шкафу, чтобы переодеться.

– Слушай Ань, так Волков твой пациент? – заглядывая в книгу, уточнила одна из медсестер. Вторая оттолкнулась от стены и приблизилась к столу, заглядывая в книгу.

– Ты знаешь, кто он? – спросила я у первой, скидывая халат и убирая его в шкаф.

– Майор. Спецназовец. Попал под обстрел. Его одного только и спасли.

– Откуда вы все знаете? – усмехнулась я.

– Так его же сам генерал Янпольский сюда с медиками отправил. Сказал глаз не спускать и на ноги поставить. Только не встанет он теперь, – выдавала информацию старшая медсестра.

– Ох и намучаешься ты с ним, Анька, – посочувствовала вторая, отошедшая с кружкой в руках к окну.

– Да переведут его в другую палату и медсестру поопытней найдут, – захлопнув дежурную книгу, подмигнула мне первая медсестра.

– А ты не переживай. Такой подарочек только в тягость, уж ты мне поверь, насмотрелась на своем веку...

В палате воцарилась тишина. Девушка принесла мне стакан воды, но пить много не дала. Вернувшись на стул, она посмотрела на часы, затем перевела взгляд на меня.

Я лежал на животе, повернув голову набок, закрыв глаза. Часы в палате мерно постукивали, отсчитывая секунды, я задремал. Действие наркоза еще давало о себе знать.

Внезапно в палату скрипнув дверью, вошел долговязый, седовласый мужчина. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Между врачами завязался разговор, который вырвал меня из забытья.

Отправил врач медсестру домой, а сам направился ко мне. Девушка устало улыбнулась и кивнула, двигаясь к двери.

– Ну, что ж молодой человек, теперь побеседуем с Вами, – доктор придвинул стул, на котором до него сидела Анна, и раскрыл медицинскую карту.

– Я внимательно вас слушаю, – приняв более удобное положение на кровати, произнес я.

– Начну с того, что вы, молодой человек, в рубашке родились. Если бы не разведка, подоспевшая на выручку, вы бы уже со мной не разговаривали. Скажите спасибо старшему лейтенанту Ермолову. Это он вас сюда доставил.

– Спасибо – буркнул я. – Больше никто не выжил? – надеясь на лучшее, спросил я.

– Нет, – прозвучал ответ, железной иглой, уколотивший в самое сердце.

– Ясно, что со мной? – хмуро посмотрел я на врача.

– С вами все не очень хорошо, дорогой мой, Андрей Алексеевич.

– Что? – Не выдержал я, приподнявшись на руках.

– Тихо, тихо! – успокаивал меня врач, возвращая в лежачее положение. – Вы солдат, поэтому я думаю, что справитесь с этой новостью. У вас в результате ранения, поражен позвоночник. Девяносто восемь процентов, что вы никогда не сможете больше ходить. Я написал рапорт генералу Янпольскому, о необходимости комиссовать в связи с вашей недееспособностью. Но решение будет принято после того, как закончится лечение и полный курс реабилитации. После этого вам присвоят инвалидность. Мне очень жаль.

Доктор внимательно посмотрел на меня. Я не знал, что сказать, вернее слова были, но сейчас я просто онемел от того, что моя судьба теперь сидеть в инвалидном кресле. Я до боли в пальцах сжал подушку и зарылся в нее лицом, чтобы не закричать: «Как же так? Как же вашу, бл*ть мать, я теперь жить – то должен?! Тридцатилетний мужик, всю оставшуюся жизнь буду лежать, как тряпичный, а меня будут пеленать и мыть. Какого х*ра? «Я встану, я все равно встану. Или сдохну. Третьего не дано!» Зубы скрипели от распирающей меня злобы. Я повернулся к доктору. Тот взглянув в мои глаза молча кивнул, все поняв без слов.

– Выздоровливай, майор, – похлопав по плечу, произнес врач и, поднявшись, покинул палату. Наступила гнетущая тишина.

– Ну как он, доктор? – услышал я чей-то приглушенный женский голос.

– Справится, – ответил врач.

Закрыв глаза и откинувшись на подушку, я все еще не мог поверить в происходящее. «Неужели это конец? Не таким я себе его представлял...»

ГЛАВА 2

Я лежал в отдельной палате. На все просьбы поселить ко мне хоть кого-нибудь, чтобы не сойти с ума от скуки и безделья, получал вежливый отказ. Стоило мне попытаться, выяснить причину отказов, оказалось, что руководство штаба распорядилось о том, чтобы меня никто не посещал, кроме генерала и еще нескольких людей.

День проходил за днем. Ко мне заходили одни те же медсестры, лечил один и тот же врач. Стало казаться, что у моих дверей стоит круглосуточная охрана. Однако медсестры и врачи на все мои вопросы отвечали, что там никого нет и это медперсонал.

Раны зажили, хотя этого не чувствовал. А вот спина начала адски болеть. По ночам, если я находился в неудобном положении, она начинала ныть, а потом и вовсе сводило все мышцы судорогой. Рядом на столике была кнопка вызова дежурной медсестры. Я старался использовать ее как можно реже, зачем гонять людей лишний раз.

Пару раз меня вывозили гулять. Два санитары тащили мое тело, как мешок картошки, на улицу на руках и, посадив в коляску, катали по аллее расположенной вдоль дороги. Впервые я осмотрел госпиталь с улицы и понял, что рядовые бойцы и военнослужащие здесь явно лечиться не будут.

Госпиталь или скорее всего клиника, похожая на частную, располагалась в сосновом бору. Кругом рос орешник и кусты смородины. Между кустарниками простирались газоны и клумбы.

Мощные дорожки плавными изгибами пересекали территорию клиники. По периметру вдоль дороги и окружавшего нас леса был выложен каменный забор. Солнечные лучи прогревали весенний воздух.

С того момента, как я здесь очутился, прошло около двух месяцев. Спина и ноги по-прежнему отказывали мне служить. Постоянно ко мне заходила молоденькая медсестра, которую я увидел здесь, придя в себя от наркоза. Ее звали Аней. Она всегда была вежлива со мной, в отличие от других медсестер. Те просто, механически, делали свою работу и уходили. У девушки ко мне было другое отношение. Какая-то особая сила, была в ее руках.

Темные волосы всегда были убраны назад в простой конский хвост, высокий открытый лоб, карие глаза, словно два глубоких озера в обрамлении длинных ресниц, светились теплотой и состраданием. В ней сочетались внутренняя сила с внешней привлекательностью. Это подкупало и обезоруживало.

Родных у меня не было. Мама умерла, когда мне исполнилось двадцать. Она с детства прививала мне любовь к спорту. Будучи тренером по конной выездке, брала меня с собой на соревнования. Отца я не помню, порой казалось, что его и вовсе у меня не было. Только пожелтевшая карточка в старом фотоальбоме напоминала о нем. В седле я держался уверенно, порой пытался даже лихачить, но мама всегда повторяла, что лошадь не терпит баловства. В этом я убедился, вылетев несколько раз из седла и сломав руку, при неудачном падении.

Жизнь у нас с матерью была спокойной и размеренной до той поры пока мне не сообщили, что вовремя тренировки, лошадь взбрыкнула и ударила маму задними ногами.

Мать умерла в больнице от сильнейшего кровотечения, не приходя в себя. Эта трагедия сильно ударила по моей психике. Я запил. Не выходя из одного запоя, уходил в другой, пока не пропил все, что у меня было. Не осталось ни кола, ни двора. Квартира, в которой мы жили, досталась мошенникам, которые сунули мне подписать какие-то бумаги, а потом вышвырнули из собственного дома, пригрозив, что прибьют, если пойду жаловаться. Мне ничего не оставалось, кроме как бросить пьянку, устроиться на работу и снять комнатуху в общежитии. Помирать от безысходности в планы мои не входило.

Прошли годы, но жизнь все еще казалась мне блеклой и безрадостной, я брел с потухшим взглядом мимо военкомата, с работы. На глаза мне попался щит, где говорилось о том, что идет набор на контрактную службу. Я связался со своей бывшей частью, где проходил срочную службу, и через неделю пополнил ряды контрактников.

Навыки в стрельбе и рукопашном бое у меня были. В своей роте, когда – то я был лучшим стрелком, выполнял нормативы на мастера спорта по стрельбе. Меня заметили в командующем составе и отправили на соревнования. Я возвращался с победами и медалями, что делало меня абсолютным чемпионом по Северо-Кавказскому военному округу среди военнослужащих контрактников.

Командование отправило меня в Тверь проходить повышение квалификации. После окончания учебы, молодым старлеем поступил под командование полковника Янпольского. Так начались мои будни в отдельной мотострелковой бригады спецназа МВД. Позже, за участие в боевых действиях, мне дали капитана, а там и майора.

И вот сейчас, я лежу, парализованный, на кровати и врачи говорят, что я останусь инвалидом навсегда. «Черта с два!» – стиснув зубы, произносил я про себя, как молитву. «Я не дам вам себя утопить! Вы ошибаетесь! Я не инвалид! Я встану!»

Солнечные лучи пробрались в мою палату, занималось утро, Аня застала меня за гимнастикой. Постепенно увеличивая нагрузки на руки, я уже мог приподняться на руках. Пытался поднимать ноги, но они не слушались. Растирал одеревеневшие мышцы руками, но сдвигов не было. Вскоре мне назначили массаж спины. Приходила Аня, помогала мне повернуться на живот и массировала спину пока ее ручки не начинали неметь от усталости. Затем переходила на ноги, спрашивая, чувствую я что-нибудь или нет. Каждый раз ответ был один и тот же: «нет». И это «нет» убивало мою надежду на выздоровление.

Через неделю, ко мне пришел майор Пронин. Соратник мой по боевым стрельбам. Я дико обрадовался. Он прошел в палату и принес фруктов.

– Здорово, боец! – протянул он мне руку, подойдя к кровати. Я слегка поднялся и поприветствовал его, пожав протянутую ладонь:

– Здравия желаю, товарищ майор.

– Давай без устава, – снимая фуражку и положив ее на тумбочку, предложил мужчина.

– Да не вопрос, Сергей Сергеевич, – улыбнулся я.

– Ну и ладненько, – осмотрев меня, произнес Пронин.

– У меня кое-что есть, – заинтриговал он меня, улыбнувшись.

Майор подмигнул и вынул из-за пазухи плоскую бутылку коньяка. Поставив ее на тумбочку, достал пару одноразовых стаканчиков.

– Ну что, празднуем твое выздоровление, Волков? – улыбнулся он.

– Да какое – там, – кивнув не весело на ноги, усмехнулся я.

– Ты, Андрей, давай не паникуй раньше времени. Люди на моей памяти при правильном лечении и не с такими ранениями ходить начинали, а ты мужик крепкий, не сдашься и поднимешься, – улыбнувшись приободрил меня друг и выпил содержимое стаканчика.

– Сергей, а можно вопрос? – начал я издалека.

– Хочешь наверно спросить, почему ты здесь, а не в общей палате в городе? – наливая очередной стаканчик, уточнил Пронин, исподлобья глянув на меня.

– Да, – коротко кивнул в ответ.

– Хм... что ж, отвечу, – чокнувшись стаканчиками, выпил поморщившись, произнес товарищ.

– Как эту гадость пьют, надо было водку брать.

Я молча слушал, выжидаяюще смотря на полковника.

– После последней операции, – Сергей тяжело вздохнул, на скулах заиграли желваки. – Мы сопоставили данные, которые добыла разведка. Выяснилось, что информация об операции была слита откуда-то из штаба.

Препарат не нашли, взяли крупную партию наркотиков, но очень низкого качества. Короче, почистили базу еще до вас, Андрей. А группу уже ждали. Зря только ребята полегли. Было начато внутренне расследование. Военный затих и налил по третьей рюмке. Молча встал и, посмотрев на меня, продолжил:

– Давай, Андрюха, за пацанов за наших. Вечная память и пусть земля им будет пухом.

Майор залпом выпил стаканчик и едва поморщившись, то ли от крепости коньяка, то ли от горечи потери, с хрустом смял пластиковый стакан в своей ладони. Затем он подошел к окну и, вынув сигарету, закурил. С шумом выдохнув вверх табачный дым, сделал еще пару затяжек и затушил окурок в смятый стаканчик. От меня не скрылось то, как дрожали пальцы друга, когда он держал сигарету.

– В общем... – вернувшись на стул, продолжил: – Когда ты со своими парнями положил чертову тучу боевиков, к вам на помощь прибыл отряд разведки. Они добились оставшихся

духов. В плен никого брать не стали. То, что они нашли при обыске, можно было выбросить на помойку. Подачка. Наркота, смешанная с каким – то порошком и никаких сведений о препарате.

– Может данные были не верны? – поинтересовался я, внимательно глядя на майора и отправляя в рот дольку лимона. Привкус коньяка горчил во рту.

– Нет, Андрей, данные верные на сто процентов, тем более, что в карманах убитых боевиков нашли ампулы с использованными шприцами. Наши «кудесники» провели анализ препаратов. Это они! По словам Куйбашева, его бойцы в некоторых боевиков по пол рожка всаживали, а те ползли еще, царапая землю ногтями.

Расследование, начатое нами, приказано было свернуть. Но то, что у нас есть крот. Это точно. Мы связаны сейчас по рукам и ногам. А вот тварь эта затаилась.

– Да уж, – протянул я задумчиво, глядя как Серега, не найдя в тумбочке лишнего стаканчика, хлебнул добрую порцию прямо из горла, предварительно налив мне половину.

– Пока ты здесь находишься, под присмотром. Эта клиника в нашем ведомстве находится... – после некоторой паузы произнес майор.

– Мне что, что-то грозит? – насторожился я, беря стакан в руку.

– Андрей, они могут начать охоту за тобой раз ты знаешь расположение их хранилища в горах, – хмуро посмотрел на меня товарищ.

На минуту в палате воцарилась тишина. С одной стороны, я был растерян и подавлен новостью. С другой начинал закипать от своей злости и беспомощности. Костяшки пальцев побелели, крепко сжимая в кулак постельное белье.

В этот момент зашла медсестра. Увидев коньяк, и унюхав запах сигарет она пришла в праведное негодование:

– Товарищ майор, вы что!? Вы понима...

– Оставь нас, Тамара! – рявкнул Пронин, перебивая медсестру на полуслове.

– Под вашу ответственность, – с негодованием проговорила Тамара и покинула палату. Однако вопреки ожиданиям дверьми не хлопнула, а тихонько прикрыла.

– Это еще не все, Андрей, – Сергей посмотрел на коньяк и допил остатки.

– На медико-экспертной комиссии решался вопрос о твоей судьбе. Тебе присвоили вторую группу инвалидности. С сегодняшнего дня ты гражданский. Приказ уже подписан.

Сказанное майором прозвучало, как приговор. По сути это он и был. Вердикт окончательный и обжалованию не подлежит.

Я словно провалился в какую-то пустоту, внезапно образовавшуюся вокруг. Не почувствовал, как друг тихо коснулся моего плеча и не слышал его последних слов перед уходом. Внутри все оборвалось. Разом. Все надежды. Все, на что я надеялся. Ничего этого не осталось. Комок подкатил к горлу, на глазах выступили слезы. Откуда – то из глубин моей души поднималось, словно разрушительное цунами, надвигающееся на берег, отчаяние. Я упал лицом в подушку и беззвучно зарыдал, выпуская эмоции на свободу. Меня просто колотило от начавшейся истерики.

Не видел, как в палату вбежала Аня и принялась меня успокаивать, а потом поставила укол, который погрузил меня во тьму. В которой не было ни сна, ни облегчения.

ГЛАВА 3

Каждый день, просыпаясь рано утром, я торопилась на работу. Быстро делала обход, ставила капельницы больным и направлялась в палату к Волкову. Он единственный в нашей клинике был очень тяжелым. Поначалу, до того, как к нему пришел майор из его части, Андрей пытался двигаться, разминал мышцы, как могла я помогала. Он не терял надежду, но потом...

Я пришла на работу, Тамара попросила пока не ходить к Волкову, у него был важный посетитель. Решила пройтись по пациентам – лейтенанты, старлеи, к ним я ходила после посе-

щения Андрея. Молодые парни, агрессивные и задиристые. Никто не любил к ним ходить на обходы, они всегда норовили ущипнуть или шлепнуть, порой в открытую давали понять, что бы им хотелось получить вместо лечения. Я говорила старшей медсестре о домогательствах. Мне отвечали: «Раз они лежат в клинике, значит их нужно лечить». Взяв карточки и направившись в палату, морально готовила себя к издевкам, со стороны пациентов. Ничего нового и не произошло.

Наслушавшись плоских шуточек, хорошо хоть не шлепали, я пригрозила, что добавлю в капельницы слабительное, горе – пациенты успокоились. Закончив обход, направилась к посту, сложив карты, взяла карту Волкова и направилась к нему в палату. Стоило подойти к дверям ближе, как вдруг услышала крик, испугавшись, заскочила в палату и застала Андрея, бьющегося в истерике. В его состоянии это очень плохо. Я бросилась пациенту на помощь. Пыталась уговорить его перестать причинять себе боль, но он не слышал. Побежала на пост старшей медсестры и попросила дать мне успокоительное. Вернувшись назад с санитарями, дождалась, когда они прижмут мужчину к кровати, и только тогда смогла сделать ему укол. Спустя несколько минут Андрей затих и уснул, но часто вздрагивал и стонал во сне. Забеспокоившись, направилась в кабинет Константина Ивановича, лечащего врача.

– Здравствуйте, доктор, можно? – проговорила я, постучав и войдя.

– Да, Анечка, что случилось? – проговорил он и, сняв очки, посмотрел внимательно на меня.

– Доктор, у Андрея Волкова я начала наблюдать стоны во сне и судороги. Как поступить?

– Я пропишу ему успокоительное и ты поколешь их ему недельку. Сегодня по наблюдай за ним до вечера, а завтра я найду для него другую медсестру.

Я обиженно посмотрела на врача, но он улыбнулся и проговорил:

– С такими больными, как Волков, должны работать более опытные сотрудники плюс психологи, чтобы предупредить попытки суицида.

– Но он не станет... – начала было я, пытаясь защитить своего пациента.

– Люди в его состоянии не всегда выдерживают новости о том, что они теперь навсегда будут прикованы к инвалидному креслу. Лучше перестраховаться.

– И нет ни одного шанса? – с надеждой в голосе спросила я.

– Почему же. Есть. Всегда есть шанс, – ответил врач, надевая очки и возвращаясь к работе.

– Доктор, – несмело начала я. – Не могли бы вы не забирать у меня Волкова. Обещаю, я буду следить за ним.

Константин Иванович посмотрел на меня пристально и, улыбнувшись, ответил:

– Хорошо. Но жду от тебя отчеты каждую неделю.

– Я не подведу, – обрадовавшись, направилась к выходу.

– Аня, подожди, – окликнул меня доктор. – Сколько там у тебя осталось до окончания интернатуры?

Задумавшись, посчитала в уме:

– Год.

– Хорошо, иди, – загадочно улыбнувшись, врач отпустил меня.

Я сразу направилась в палату к Андрею. Вдруг он уже проснулся и ему нужно что – то.

Зайдя в палату, направилась к постели больного. Он все еще спал. Тихонечко поправив сбившееся одеяло, вышла из палаты, чтобы принести ужин. Санитарка с едой уже прошла и ничего не оставила, а Андрею нужно хорошо питаться, чтобы быстрее поправиться.

Вернувшись из столовой с подносом, поставила его на столик и уселась на соседнюю койку, чтобы немного отдохнуть. Андрей все еще спал, провалившись в крепкий и долгий сон. Рабочий день подходил к концу и мне пора было собираться домой. Я поднялась и, уверенная в том, что Волков сам справится с ужином, вышла из палаты и направилась домой. Утром, с

новыми силами и надеждами, направилась в клинику. Закончив со всеми делами, подошла за карточкой Андрея на пост. Вытащив ее из общей стопки, набрала на всякий случай успокоительное, в шприц, развернулась, чтобы идти в палату, но меня остановили:

- Привет, Ань, – услышала я санитарку, которая раздавала обед.
- Здравствуй Люба, я сейчас возьму тарелки у Волкова и приду за обедом.
- А он завтрак съел? – поинтересовалась она, приподняв бровь.
- Думаю да, – ответила я и направилась в палату.

Открыв двери, улыбаясь, зашла в палату, за ночь я придумала грандиозную оздоровительную программу, чтобы поднять Волкова на ноги.

Накануне мне пришлось перелопатить гору книг, выискивая методики восстановления эластичности мышц, гимнастику для ограниченных в движении людей.

Подойдя ближе к кровати Андрея, заметила, что глаза его открыты, но он смотрит в потолок и не реагирует на меня. Испугавшись, что, произошло самое страшное бросилась к пациенту, но напрасно волновалась. Легкий вздох возвестил о том, что с мужчиной все в порядке. Вернее, что он жив...

– Здравствуйте, Андрей Алексеевич, как ночь прошла? – задала я вопрос, подходя к окну и открывая шторы. Увидев на столике нетронутый завтрак, обратилась к нему снова:

- Почему не позавтракали, ведь остыло все.

Но в ответ получила лишь тишину. Обеспокоенно посмотрела на лежащего больного и ужаснулась. Он лежал, не моргая и не отрывая стеклянного взгляда от потолка. Я испугалась и уже была готова позвать на помощь, как вдруг из глаз Андрея покатились слезы.

Бросившись к нему, схватила за плечи и, встряхнув, затараторила:

– Не смей сдаваться! Слышишь! Не ставь на себе крест! Ты сможешь подняться, я помогу!

Отстранившись, активно жестикулируя, я рассказывала про методики и шансы на выздоровление. До хрипоты разясняла, что будет тяжело, болезненно порой, но он выдержит и я буду рядом. Андрей моргнул, продолжая смотреть в потолок, не слушая, как думала я. Меня трясло от обиды, горькие слезы навернулись на глаза.

Поддавшись какому-то порыву, уверенной походкой направилась к Волкову и без раздумий, в поцелуе, приникла своими губами к его. Оторвавшись от слегка прохладных губ, я решила, что он посмотрит на меня или скажет. Я ожидала хоть какой-нибудь реакции, но Андрей продолжал неподвижно лежать и изредка моргал глазами. Подскочив с кровати, я вытерла предательски покотившиеся по щекам слезы.

Впервые я решила сама поцеловать мужчину, а он просто проигнорировал меня. Я рассердилась. «Как он может сдаваться? Ничего не попробовав, он просто лежит отрешенный и отказывается от всего. Как же так?!» – думала я.

– Решил сдать, да? Испугался трудностей? Что же ты за мужик Волков!? – начала гневную речь. – Ты всем показываешь, что не воин, а просто никчемный трус, сдавшийся без боя! Твоим людям, наверное, стыдно сейчас. Они смотрят с того света на тебя, на своего командира, которому доверили свои жизни и который сдался, предав их память.

Замолчав на мгновение, чтобы собраться с силами для новой гневной тирады я заметила проблеск жизни в его глазах:

– Я поняла. Я поняла, что ты просто не хочешь выздоравливать. Проще лежать тут и ничего не делать. Жалеть себя, умирать, голодать. Показывать всем, какой ты несчастный. Жалости захотел? Так вот знай! Я не позволю тебе этого сделать! Насильно заставлю жить. Я попрошусь в госпиталь, в Осетию, в самое пекло. Пусть моя смерть то же будет на твоей совести. Раз я плохо тебя лечила и не способна помогать, буду перевязывать раненых.

Голос сорвался на крик:

- Слышишь меня?!

Он, повернул голову в мою сторону, в глазах горел огонь, а потом раздался голос:

– Дура...

Не знаю, сколько я спал, но проснулся разбитым. Аня принесла завтрак. Бросив на меня сердитый взгляд, вышла из палаты с нетронутым ужином. Все это я пропускал мимо ушей.

Апатия, свалившаяся на меня, вытягивала все желание жить. Мне было все равно... Все равно...

Вернулась Аня. Я определял, что это именно она по манере открывать двери и спотыкаться у порога. Посмотрев внимательно на меня, она что-то объясняла, кричала, размахивая руками. Потом она меня поцеловала, обдав горячим влажным дыханием.

В это мгновение, что-то шевельнулось в моей груди. Ее слова начали доходить до моего сознания: «Я поняла. Я поняла, что ты просто не хочешь выздоравливать. Проще лежать тут и ничего не делать. Жалеть себя, убиваться, голодать. Показывать всем, какой ты несчастный. Жалости захотел? Так вот знай! Я не позволю тебе этого сделать! Насильно заставлю жить. Я попрошусь в госпиталь, в Осетию, в самое пекло. Пусть моя смерть то же будет на твоей совести. Раз я плохо тебя лечила и не способна помогать, буду перевязывать раненых!» Я повернул голову в сторону девушки, она смотрела на меня решительным взглядом:

– Слышишь меня?!

– Дура, – ответил я. Внутри с новой силой стало разгораться желание жить. Раз эта девчонка не теряет надежды, я тоже не сдамся: «Хочешь окунуться в этот ад со мной?! Что ж... давай!»

ГЛАВА 4

Начался кошмар, затянувшийся на пять долгих месяцев. Каждый день я уговаривала Андрея делать разминки, разрабатывать мышцы, пытаться садиться и самостоятельно пересаживаться в кресло, больше бывать на воздухе. Я видела прогресс. Румянец вернулся на лицо Волкова, аппетит восстановился, во сне он не так сильно вздрагивал, что меня радовало.

Константин Иванович, видя наши успехи, сказал, что засчитает эти занятия в мою преддипломную работу. Я все больше проводила времени с Андреем, пробуя разные методики. Иногда он ворчал, отказываясь что-то делать, упрямился, как маленький ребенок. Но я понимала, как ему тяжело и не обращала внимания на обидные высказывания и крепкие словечки, срывающиеся с его уст.

Я сильно уставала, но, когда приходила к Волкову, усталость, как рукой снимало. Появился азарт. Хотелось скорее поднять его на ноги, показать, что мне это под силу.

Но иногда чрезмерное рвение может сыграть плохую шутку. Рецидив случился через пять месяцев после начала наших занятий. Я пришла в палату к Волкову, после обхода. Настроение было хуже некуда. Вчера в клинику положили офицера. Молодой парень, а жаловался, как будто умирает, хотя ничего серьезного у него не было. Уход за ним поручили мне. Когда я пришла в палату к нему, чтобы сделать перевязку, тот с ухмылкой прижал меня к себе. Схватив, начал лапать. Когда я пыталась вырваться он, схватил меня за шею, прорывав: «Не дергайся, иначе выскочишь отсюда, с*ка». Затем схватил больно за грудь.

Оттолкнув его от себя, я бросилась к

главврачу Константину Ивановичу с просьбой забрать у меня этого нахала. Выслушав, седовласый профессор сказал, чтобы я молчала про это происшествие, и пообещал, что придумает выход из сложившейся ситуации. Ужас от испытанного поглотила меня. Я шла, не разбирая дороги, наталкиваясь на медсестер и, стирая тыльной стороной ладони, слезы. Не знаю, как я оказалась в палате Андрея, прислонившись к двери, всхлипывая, опустилась на пол.

Но забыть про слезы меня заставил слабый стон. Я посмотрела в сторону, откуда доносился хрип и увидела Андрея. Он лежал, сжавшись на постели, и закусив губы от боли.

– Что случилось? – спросила я, мгновенно оказавшись возле его кровати.

– Спина... – прохрипел Андрей.

– Что с ней? – не поняла я. – Болит?

– Да, как будто режут живьем, – казалось Андрей, вот-вот зарычит от разрывающей спину боли. Гримаса нестерпимой агонии, которая застыла на побледневшем лице, как маска. Вены на шее и руках вздулись от напряжения. Глаза закрылись. Мне казалось, что я слышала скрип зубов. Мужчина прилагал все возможные усилия, чтобы терпеть.

– Я сейчас, потерпи, – бросила я, кинувшись из палаты за врачом.

Прибывший врач, бегло осмотрел Волкова и поставил обезболивающий укол, быстро растирая спину. Через несколько минут Волков затих, молча глядя в сторону и прерывисто дыша, а спустя несколько минут уснул. Врач отозвал меня в сторону и посмотрел на меня с укором.

– Аня, ты в могилу его загнать решила? – прошептал он, косясь в сторону Волкова.

– Почему, ведь все нормально было? – растерялась я.

– У Волкова спазмы трапециевидной мышцы. Она вся колом у него встала. С сегодняшнего дня никаких нагрузок, кроме приподняться позавтракать, пообедать и поужинать.

– Я поняла, – прошептала я.

– И интенсивный массаж, – добавил врач, выходя из палаты.

– Спасибо вам.

Я подошла к Волкову и присела на стул рядом с кроватью. Тот уже закрыл глаза и, по-видимому, спал. Я молча разглядывала его, думая о словах врача.

Всю следующую неделю делала Андрею массаж спины, расслабляя скованные спазмом мышцы. Вывозила его на прогулку, если день был солнечным и погожим. Следила, чтобы Волков самостоятельно не совершал никаких лишних движений. Через неделю, мы снова вернулись к упражнениям. Андрей молча, делал то, что прописал врач, а я теперь была осторожна, стараясь избегать новых рецидивов.

Дни пролетали за днями, недели за неделями, складываясь в месяцы. Для меня ничего нового в клинике не происходило. Вот уже пять месяцев Аня мучилась со мной по каким-то выкопанным из книг методикам. Когда ничего не получалось, я психовал, несколько раз решал бросить все, сказать, что это бесполезно. Но расстраивать Аню не хотелось. Она, как маленький моторчик, носилась по палате, не давая мне «скучать».

Когда медсестры не было, я самостоятельно делал упражнения, которые она ежедневно заставляла меня выполнять. Однако эффекта никакого они не приносили. В бессилии бил подушку по ночам или смотрел в одну точку на потолке. Из – за изоляции, я чувствовал, что еще немного и начну быть волком. Я выучил всех медсестер в клинике. Когда у кого ночная или дневная смена. Я попросил Аню приносить мне книги и кроссворды.

Иногда гуляя на свежем воздухе, мы беседовали и спорили на различные темы. Порой даже ругались. Присутствие девушки уже стало неотъемлемой частью моей жизни.

Мой затяжной отпуск стал порядком утомлять. Аня запретила какие – либо нагрузки, и я ограничивался небольшой зарядкой. Мы все больше гуляли с ней на свежем воздухе. А через неделю, вернулись к прежним занятиям.

Спустя неделю, лежа в кровати и читая книгу, размышлял о том, что не так уж и плохо все идет. Я узнал, что у Ани скоро день рождения и хотел подарить ей, что-нибудь. Она столько времени убивала со мной. Только вот не знал, что она любит. Вдруг двери открылись, и ко мне зашла Аня. Девушка принесла новые книжки. Не ожидал ее прихода сегодня. Ее смена только завтра.

Увидев девушку, без халата в платье, я оторопел. До чего же она была хороша. Аня, улыбаясь, дала разглядеть себя во всей красе. Покрутилась на месте и развела руки в стороны. Короткое синие платье, едва доходило до колен, обтягивая бедра и подчеркивая все плюсы ее фигурки. Полушария груди, маняще выглядывали из разреза на платье. Кожаный ремешок стягивал узкую талию. Высокие шпильки подчеркивали стройность. Волнистые волосы,

обрамляли нежное личико. Такой я ее себе даже не представлял. И до меня стало доходить, что я не просто привык к девушке, а смотрю на нее, как на женщину, с которой у меня могли бы быть отношения.

– Нравится? – улыбнулась девушка, вырывая меня из грез.

– Да, – выдохнул восхищенно я.

– Подруга пригласила на день рождения, поэтому завтра меня не будет, я попросила меня подменить. Надеюсь ты будешь выполнять упражнения, а я проверю потом, – улыбнулась Аня, подходя ко мне и наклоняясь, так, что я видел практически всю ее грудь.

– Это методика новая, у тебя? – усмехнулся я, окидывая взглядом девушку, бессовестно кокетничающую со мной.

– Ух ты, какой ракурс! – услышал я незнакомый голос, из-за спины Ани, которая заметно напряглась.

Девушка выпрямилась и обернулась к дверям. Я привстал на локтях, чтобы увидеть вошедшего. Это был не очень высокого роста, молодой парень, с маленькими глазками и наглой ухмылкой, таких мы в роте быстро приучали к порядку, заставляя бегать марш броски в полной амуниции.

– Находиться в палате у других больных строго запрещено! – растерянно произнесла Аня, отступая назад.

– А я думаю, куда моя медсестричка подевалась? – приближаясь к девушке, ехидно произнес парень.

– Я уже не ваша лечащая медсестра! Выйдите, пожалуйста или я позову охрану, – я почувствовал, как напрягся голос Ани. Но, все еще не понимал, что происходит.

– Куда ж я без тебя пойду? Я болен и мне нужна помощь! – наигранно ухмыльнулся сопляк. Его тон мне не нравился.

– В свою палату, – строго пояснила Аня.

– А, ты, значит с этим развлекаешься? У тебя извращенная фантазия? Нравится трах*ться с инвалидами? – схватив за талию девушку и глядя на меня, ухмыльнулся молокосос.

– Отпустите! – пробовала вырваться Аня, но не тут-то было.

Юнец грубо схватил девушку за грудь, продолжая прижимать за талию к себе.

– Отпусти ее! – потребовал я, привставая на локтях.

– А ты не суйся! – держа крепко в руках, вырывающуюся девушку, хмыкнул сопляк. – А то быстро отсюда вылетишь.

– Да как вы смете?! – Аня влепила пощечину наглецу.

– Ах ты, тварь! – ударил в ответ, сбивая с ног, и Аня упала на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.